

ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.В. Большаков

ОТ ДЕВИАЦИИ К ИДЕНТИЧНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ГЛУХОТЫ

Нарушение слуха традиционно рассматривается в научных работах как физическое ограничение, являющееся одним из критериев получения человеком инвалидности. Тем не менее, современные западные исследователи постепенно отказываются от представления о глухоте как о форме инвалидности и говорят о формировании нового подхода, выходящего за рамки традиционной и посттрадиционной парадигм инвалидности.

В данной работе автор рассматривает основные научные дискурсы, в которые помещается понятие глухоты в XX–XXI вв., в хронологическом порядке описывает подходы к глухоте, встречающиеся в отечественной и зарубежной литературе, и выделяет три концепции глухоты: медицинскую, социальную и культурную. Первые две концепции в той или иной мере могут считаться универсальными для всех категорий людей с инвалидностью. В рамках медицинской концепции глухота анализируется как болезнь или патология, а сами глухие — как девианты. Основными агентами популяризации данного подхода являются медики и педагоги, задача которых заключается в том, чтобы вернуть глухим слух и голос. Социальная концепция объясняет диалектику «глухой / слышащий» не столько характеристиками физического тела, сколько социальным определением пространства. Данная концепция, появившаяся на волне движения людей с инвалидностью (в том числе глухих и слабослышащих) за свои права, подразумевает поиск путей преодоления изоляции и стимулирования независимости глухих и слабослышащих, в том числе с помощью социологических исследований. Третья выделенная в данной работе концепция глухоты — культурная, появившаяся благодаря признанию лингвистами жестового языка и определяющая глухих как особую культурную группу в исторических, культурологических и социологических терминах.

Ключевые слова: *глухота, инвалидность, люди с нарушениями слуха, модели инвалидности.*

Большаков Никита Викторович — преподаватель, аспирант департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва (nbolshakov@hse.ru)

Nikita Bolshakov — Lecturer, Postgraduate Student, School of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow (nbolshakov@hse.ru)

Введение

За последние 20 лет произошел кардинальный пересмотр взглядов на инвалидность, что нашло свое отражение как на государственном (гуманизация законов, ратификация Конвенции о правах инвалидов, признание официального статуса жестового языка), так и на академическом уровнях (изменение научного дискурса). В данном контексте особенный интерес вызывает изучение глухих и слабослышащих, которые, в отличие от других категорий людей с инвалидностью, обладают собственным языком общения и культурой, существование которой было подтверждено результатами различных исследований и закреплено Конвенцией ООН. В Советском Союзе и на Западе в XX в. исследования людей с нарушениями слуха* проводились достаточно часто, и некоторые из них носили социологический характер, хотя вплоть до настоящего времени данный объект чаще попадал в область интересов дефектологов, лингвистов и представителей других профильных дисциплин, нежели непосредственно социологов. При этом сам контекст, в котором существует данное научное направление в начале XXI в., заметно отличается не только от дискурса начала прошлого века, но даже от дискурса 1980-х гг. В этих условиях рассмотрение подходов к пониманию глухоты, дискурсов, в рамках которых развивается изучение людей с нарушениями слуха, представляется крайне важным.

Тело человека представляет собой дискурсивный конструкт в определенных системах власти, и слух в данных условиях выступает в качестве одного из критериев патологизации «аномальных» индивидов. Различные дискурсы, в которых существует понятие «глухоты», стигматизируют глухих и воспроизводят дискриминацию, или, в некоторых случаях, наоборот, способствуют переводу людей с нарушениями слуха с периферии в фокус общественного внимания. Опираясь в данной работе на идеи М. Фуко, мы ставим перед собой цель рассмотреть, в какие научные дискурсы помещалось понятие глухоты в XX–XXI вв. (период наиболее активного изучения людей с нарушениями слуха), какие подходы к глухоте являлись доминирующими в тот или иной период времени, а также проанализировать основные причины дискурсивных изменений в контексте социальных наук. Обращение к педагогическому, психологическому, лингвистическому, медико-социальному и иным смежным дискурсам, в конечном счете, позволит нам рассмотреть эволюцию подходов к пониманию глухоты и роль социологии в ее изучении.

Несмотря на то, что направление Deaf studies как особая академическая дисциплина, изучающая различные стороны жизни групп и индивидов с нарушениями слуха, появилось только во второй половине XX в. (Gertz, Boudreault 2016: 61–62), первые упоминания глухих как объекта исследовательского интереса относятся еще к античности (Branson, Miller 2002: 61). Так, в своем диалоге «Кратил» Платон приводит размышления о природе жестового языка: «Если бы у нас не было ни голоса, ни языка <...> не стали бы мы разве обозначать все

* До начала 1940-х гг. для описания данной группы было принято использовать термины «глухонемые» (рус.), deaf-mute (англ.), taubstumm (нем.) и т. д., однако на сегодняшний день они считаются некорректными и унижающими достоинство людей с нарушениями слуха.

с помощью рук, головы и вообще всего тела, как делают это немые?» (Платон 2015: 319–320).

Слух является одной из основных функций, ограничение которой ведет к получению человеком инвалидности, поэтому подходы к пониманию глухоты, рассмотренные в данной работе, будут анализироваться в тесной связи с основными взглядами на инвалидность в целом. В литературе можно встретить различные контексты, в которые помещаются вопросы инвалидности: медицинский, правовой, образовательный, политический. Современные исследователи выделяют 12 традиционных и посттрадиционных моделей инвалидности (Тарасенко 2004), к которым в последнее время добавляются модели, разработанные в рамках «новейшей» парадигмы инвалидности (Ratliffe, Haley 2002). Традиционная парадигма включает в себя, в первую очередь, медицинскую модель и связанные с ней моральную (религиозную), экономическую, реабилитационную и иные модели. К посттрадиционной (или «новой») парадигме принято относить материалистическую, социально-политическую, психосоциальную и другие модели (Тарасенко 2004). Так как описание различий данных моделей не является задачей исследования, мы решили укрупнить классификацию в целях сделать обзор более структурированным. Все модели, относящиеся к традиционной парадигме, будут объединены в первом разделе «медицинская концепция понимания глухоты». Второй раздел включает в себя посттрадиционные модели понимания глухоты, которые были условно названы «социальными». В третьем разделе статьи будет рассмотрена культурная концепция понимания глухоты, которая при изучении людей с нарушениями слуха соотносится с новейшей парадигмой, чьей ключевой характеристикой является отвержение понятия инвалидности как такового. Наконец, четвертый раздел посвящен краткому рассмотрению подходов к глухоте в рамках советской и российской академической традиции.

Традиционная медицинская концепция понимания глухоты

В рамках медицинской (или биолого-медицинской) концепции инвалидность рассматривается как болезнь или патология, а сами больные — как отклоняющиеся или девианты, обязательно подлежащие лечению или даже изоляции. Так, в случае инвалидности по слуху, глухой человек представляется отклонением от «слышащей нормы». Для определения статуса индивида ключевым в данном случае является уровень потери слуха, который может быть классифицирован по разным основаниям. Одни из первых исследований людей с нарушениями слуха в XIX в. были инициированы слышащими специалистами и связаны с появлением и развитием специализированных оралистских школ для глухих в Европе. В соответствии с концепцией орализма предполагалось, что для полноценной жизни в обществе человеку необходимо владение устной речью, что подразумевало отказ от использования жестового языка в обучении глухих и слабослышащих. Несмотря на то, что данная концепция оказала существенное влияние на развитие всех общественных институтов, ориентированных на глухих (образование, культура, труд и т. д.), ключевым в рамках медицинского подхода является понимание глухоты как болезни, недуга, который необходимо лечить.

Изначально распространение данных взглядов подкреплялось аргументами религиозного характера. Согласно интерпретации голландского врача И.К. Аммана, голос человека является его душой (божественное начало в человеке), а значит, человек обязан владеть устной речью: «Голос — это живая эманация того духа, который Бог вдохнул в человека, когда наделил его душой. Сколько глупости мы находим в этих несчастных глухих! Как мало они отличаются от животных! Как неадекватен и дефективен язык жестов и знаков, который глухие вынуждены использовать!» (цит. по Lane 1989: 100–101). Данные представления оставались доминирующими на протяжении XVIII–XIX вв. Спустя почти 100 лет после И.К. Аммана на Миланской конференции по образованию глухих ее президент А.Д. Тарра отметил, что «устная речь — единственная сила, которая может возродить тот свет, который Бог вдохнул в человека, наделив его тело душой, а также средством познания, постижения и осмысления себя» (цит. по: Lane 1989: 393–394). Устная речь представляется в данном контексте единственным путем познания себя и Бога, а глухота и связанная с этим неспособность к устному общению, к нормальной речи — нарушением, превращающим человека в «животное».

В первую очередь, сторонники данного подхода считали, что глухих необходимо было научить говорить, что и способствовало появлению феномена орализма. В отечественной педагогике данный термин переводится, как правило, как «устный метод», однако в данном контексте русскоязычный термин не способен полностью отразить всего заложенного в оригинальное понятие значения: помимо непосредственно способа обучения неслышащих детей, орализм включает в себя скорее философию коммуникации, представление о невозможности выразить смысл без использования речи, попытку, во многом удавшуюся, построения единого образовательного механизма, который к XX в. стал самой значимой, а в некоторых странах — единственной системой обучения людей с нарушениями слуха (Mirzoeff 1995). Ключевым событием в истории становления устного метода является Миланская конференция по образованию глухих 1880 г.

Несмотря на ряд преимуществ данного метода, которые позволили ему оставаться доминирующим более ста лет, его «тоталитарный» (Ladd 2003: 124) характер способствовал стигматизации глухоты, дискриминации жестовых языков, запрету на их использование в обучении и в любых официальных мероприятиях (Прозорова 2007: 46), а также, по мнению глухих активистов (Lane 1992: 43–45), способствовал колонизации глухих, закрепив их полную зависимость от слышащих педагогов. Образование в понимании исследователей-оралистов выполняет подчиненную медицине функцию и воспринимается, в первую очередь, как средство реабилитации, обучения глухих речи, а не как способ накопления человеческого или культурного капитала.

Помимо этого распространению медицинского подхода к пониманию глухоты среди исследователей способствовали расцвет науки и медицины к середине XIX в.: представление о том, что любая болезнь или недостаток могут быть побеждены, идеи социального дарвинизма, идеи евгеников ставили на глухих клеймо «неполноценных», которых можно и нужно исправить (Ladd 2003: 115–120). Понимание глухоты как отклонения характерно для таких наук, как сурдо-

педагогика и медицина. Задача первой заключается в том, чтобы дать неслышащим голос, поставить артикуляцию, заставить их говорить «так же, как все», развить слуховое восприятие, задача второй — вернуть глухим слух и дать им возможность слышать «так же, как все».

Существование сообщества глухих западными исследователями в данный период времени отрицается или игнорируется, поэтому все социальные науки остаются на службе у оралистов, т. е. сторонников устного метода. Исследованиям первой половины XX в. свойственны «патерналистские стереотипы, характерные для колониального дискурса» (Базоев, Паленный 2002: 263), что демонстрирует Х. Лэйн в своей работе «Маска доброжелательности: делая глухих инвалидами» («The mask of benevolence: Disabling the deaf community») (Lane 1992). Появлению понятия «колониализма глухих» способствовало, в первую очередь, игнорирование всех особенностей данной группы за исключением одной — потери слуха.

Посттрадиционная социальная концепция понимания глухоты

Принято считать, что социальная модель понимания инвалидности, в том числе, глухоты, берет свое начало с 70-х гг. XX в., когда активисты движения «Союз физически поврежденных против сегрегации» (UPIAS) в Великобритании впервые выступили против содержания инвалидов в интернатах и попытались доказать «несостоятельность традиционных патерналистских установок, свойственных социальной политике» (Ярская-Смирнова, Наберушкина 2004: 16), однако ряд исследователей отмечает, что осознание глухими своей принадлежности к многообразию человеческих культур (Feenstra 2015: 11) и, как следствие, появление первых активистов и социальных движений (Jankowski 1997), вооружившихся лозунгами «Сила Глухих» и «Гордость Глухих» (Meadow 1972), произошло еще в 1960-е гг.

В развитие социальной модели основной вклад был внесен В. Финкельштайном (Finkelstein 1988), К. Барнсом (Barnes 1991) и в особенности М. Оливером, окончательно сформулировавшим этот подход в 1990 г. (Oliver 1990). В рамках данной концепции происходит понимание того, что различия между людьми (глухие / слышащие) не столько заданы природой, сколько являются общественным конструктом и формируются в ходе экономических отношений, реализации социальной политики, развития медицинского знания. Глухота в данном случае рассматривается не как патология организма, дефект, навсегда установленная реальность, а как социальный конструкт, наполнение которого зависит от ценностей и норм конкретного общества. Она «находится не в теле человека» (Feenstra 2015: 11), а в том, как взаимодействуют между собой человек с инвалидностью и общество, т. е. на первый план выходят социальные и структурные отношения между индивидами и группами.

В этот период исследователи обращают внимание на возможности создания системы, активизирующей потенциал людей с инвалидностью (Лебедев, Кравченко 2002): на первый план выходят вопросы интеграции, которая понимается как «полноценная включенность инвалида в социокультурную жизнь, при которой его дефект в результате компенсации не мешает ни ему, ни окружающим в процессе социального воздействия и коммуникации» (Ткаченко

2010: 248). Глухота больше не рассматривается как преграда, но как важная особенность, оказывающая влияние на возможность независимой жизни индивида, при этом все еще продолжает маркироваться как инвалидность. Большую роль начинает играть изучение жизни людей с инвалидностью, их личностный рост, трудоустройство, поиск путей преодоления изоляции и стимулирования независимости (см. Ladd 2003: 139–170). В то же время определение глухих как «инвалидов» и изучение их в общей совокупности с незрячими, людьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата, ментальными нарушениями и т. д. зачастую приводило к игнорированию культурной и языковой специфики данной группы.

Культурная концепция понимания глухоты

Культурную модель инвалидности, как правило, принято относить к посттрадиционной парадигме (Finkelstein 1987) и определять через борьбу людей с инвалидностью за свою культурную идентичность (Longmore 2003) в процессе осознания собственных отличий от доминантной группы (Devlieger, Rusch, Pfeiffer 2003: 14–15). В отличие от других категорий людей с инвалидностью, в случае которых «довольно трудно ответить на вопрос, что такое культура инвалидности» (Finkelstein 1988), исследователи глухих и слабослышащих еще в середине XX в. обратили внимание на жестовый язык и культуру глухих и в связи с этим стали интерпретировать глухоту не как инвалидность, а как одну из социально-демографических характеристик человека.

Ключевым событием, обеспечившим возможность изменений, стала публикация У. Стоуки в 1960 г. доклада «Структура жестового языка», в котором жестовый язык впервые признавался полноценным языком (Stokoe 1960), а выход в 1965 г. первого словаря американского жестового языка («A Dictionary of American Sign Language») (Stokoe, Casterline, Croneberg 1965) способствовал началу регулярных исследований жестового языка. В оформленном виде идея о том, что глухота — это нечто большее, чем просто медицинский диагноз, появилась без особых пояснений в 1971 г. в работе Х. Шлесингера и К. Медоу (Schlesinger, Meadow 1971) и впоследствии была дополнена К. Медоу, которая использовала термин «субкультура глухих» для обозначения сообщества, сводя все критерии принадлежности к данной группе к эндогамным моделям брачного поведения и к использованию жестового языка (Meadow 1972). Вслед за У. Стоуки на протяжении 1980-х гг. исследователи концентрировали свое внимание именно на лингвистических особенностях данной группы. В конце 1980-х гг. глухих в социокультурных терминах рассматривали К. Пэдден и Т. Хэмфриз в своей работе «Глухие в Америке: голоса культуры» (Padden, Humphries 1990). В частности, они сформулировали базовые критерии принадлежности к сообществу глухих, такие как самоидентификация, поведение и общий бэкграунд. Конец XX и начало XXI вв. на Западе ознаменовались постепенным смещением исследовательского интереса в сторону культурных особенностей глухих: выходят такие работы, как «Культурное значение глухоты» (Harris 1995), «Глухие в Америке: голоса культуры» (Padden, Humphries 1990), «Открой свои глаза: Разговор об исследованиях глухоты» (Bauman 2008), «Понимание культуры Глухих — в поисках “глуховости”» (Ladd 2003), «Аутсай-

деры в мире слышащих» (Higgins 1981) и многие другие, авторы которых ставят перед собой цель описать историю развития сообщества глухих, проанализировать различные события и институты, способствовавшие формированию групповой идентичности людей с нарушениями слуха. К этой проблематике начинают обращаться социологи, антропологи, культурологи. Исследователи применяют качественные и количественные методы, чтобы обследовать сообщество, используют историографию для описания того, как формировалось современное сообщество людей с нарушениями слуха, какую роль в этом процессе играли не только жестовый язык, но и различные свойственные глухим институты и практики, например, специализированные школы, клубы, объединения. Внимание при этом переносится с недостатков на возможности, культуру, жестовый язык. Таким образом, глухота перестает рассматриваться как инвалидность, а, помещаясь в культурный дискурс, интерпретируется как особенность людей с нарушениями слуха, способствующая их самоопределению и идентификации. Глухие в соответствии с данной концепцией не отклоняются от слышащей нормы, а являются вполне самостоятельной группой: «системообразующий концепт социокультурной теории: глухота — особое состояние человека, а отнюдь не патология» (Зайцева 1992: 52).

Приверженцы культурной концепции рассматривают культуру глухих как субкультуру, основными характеристиками которой являются жестовый язык, самоопределение, схожие поведенческие паттерны, внутренние браки, общность исторического наследия и наличие сети формальных объединений и организаций (Reagan 1990: 74–75). Глухие активисты даже предпочитают рассматривать себя в этногрупповых терминах, однако данная теория отвергается исследователями, т. к., во-первых, нарушение слуха является наследственным только в 10 % случаев (Базоев, Паленный 2002: 286), что, соответственно, делает невозможной передачу идентичности в рамках семьи, а, во-вторых, сама культура глухих не является автономной и независимой. По этим причинам Дж. Фишман (Fishman 1982: 6–20) предложил рассматривать глухих как квазиэтническую группу. Именно данный подход является доминирующим в современных социальных исследованиях глухих и слабослышащих.

П. Лэдд (Ladd 2003) выделяет два уровня в рамках социокультурного дискурса: лингвистический и уровень «глуховости» (термин «Deafhood» не имеет литературного перевода на русский язык и будет рассмотрен ниже в данном параграфе). Центральная роль жестового языка для культуры глухих признается всеми специалистами, и в первую очередь именно с лингвистических исследований начиналась история Deaf studies на западе. После того, как было доказано, что билингвизм, использование жестового языка и устной речи в противовес чисто устному методу положительно влияют на когнитивное развитие ребенка (Чупина 2014: 167), глухие активисты получили доказательную базу для повсеместного внедрения жестового языка, в том числе, в процессе обучения детей с нарушениями слуха. Второй уровень — это уровень Deafhood — коллективное осознание себя как глухого, которое понимается как процесс «борьбы любого глухого ребенка, глухого взрослого, любой глухой семьи за то, чтобы объяснить себе и друг другу собственное существование в мире, <...> что значит быть Глухим в сообществе Глухих» (Ladd 2003: 3).

В первую очередь, это уровень коллективной жизни в условиях высокой групповой солидарности. Социокультурный подход позволяет рассматривать глухих как группу людей, которые разделяют общую культуру: для самих глухих в процессе надления глухоты позитивными смыслами ключевую роль играют общинность, ощущение солидарности и истинной дружбы (Ярская-Смирнова 2001: 226).

Постепенно исследования глухих оформляются в самостоятельную дисциплину Deaf studies, для которой пока не существует устоявшегося русскоязычного термина. Предложенный перевод данного понятия как «изучение проблем глухих» был негативно воспринят самими глухими (Комарова 2010: 14), а «исследования глухоты» или «глуховедение» не прижились из-за явного смещения внимания на нарушение слуха, нежели на самих глухих.

Ключевым для становления Deaf studies на Западе стало разделение понятий deaf и Deaf (Woodward 1972). Если первое подразумевает нарушение слуха и максимально близко к русскоязычному «глухой», то второе отражает принадлежность к особой группе и происходит от представления о глухих как о совокупности людей, объединенных общностью жестового языка и культуры по аналогии с различными национальностями, названия которых на английском языке пишутся с заглавной буквы (Паленный 2014: 297). В. Паленный выделяет четыре этапа институционализации Deaf studies, смена которых связана с появлением и развитием различных форм организации научной жизни: этап внедрения новой научной парадигмы связан с ростом исследований сообщества глухих как лингвистического меньшинства с 1970-х гг., второй этап приходится на 1980-е — начало 1990-х гг., когда растет число коллективов, занимающихся данной проблематикой, а также появляются первые университетские программы (в Великобритании), с 1991 г. начинают проходить конференции в области Deaf studies, что свидетельствует о наступлении третьего этапа развития дисциплины и, наконец, на четвертом этапе происходит легитимация и распространение Deaf Studies в образовании, внедрение соответствующих дисциплин в программы ряда школ для глухих, а также в институты в Рочестере и Нортридже (Паленный 2011: 654).

Одновременно с этим в научном дискурсе появляется первая критика данного подхода, выражающая скепсис относительно существования самостоятельности феномена культуры глухих. Отмечалось, что культура глухих является лишь зеркальным отражением массовой культуры и существует только как реакция на «слышащую» (цит. по: Ladd 2003: 250), а также, что в случае глухих «сообщества» и «культура» находятся в отношениях взаимозависимости и, по сути, могут заменять друг друга: сообщества глухих это те, кто следует культуре глухих, но в то же время культура глухих — это определяющая характеристика сообщества глухих (Turner 1994). Тот факт, что культура глухих не существует в вакууме и не может являться полностью самодостаточной (Lane 2006: 86), порождает формирование бикультурных теорий: дети с нарушениями слуха, выросшие в слышащих семьях и попадающие потом в глухую среду, усваивают ценности и нормы как одного, так и другого сообщества точно так же, как слышащие дети глухих родителей могут получить доступ к обоим сообществам.

Подходы к глухоте в отечественной науке

До настоящего момента советская история исследований глухоты оставалась за рамками нашего внимания потому, что трудно установить, как она хронологически соотносится с западной. Тем не менее, выделение схожих подходов в работах отечественных авторов позволяет говорить о том, что указанные выше концепции понимания глухоты могут быть актуальны и для отечественных исследований. На протяжении всего XX в. в них доминировала медицинская концепция понимания глухоты, работы были посвящены, в первую очередь, изучению познавательных способностей глухих и проводились сурдопедагогами и дефектологами. Ключевым событием, способствовавшим утверждению данной концепции, является публикация работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», дискриминировавшей жестовый язык во всех его проявлениях: «Это, собственно, не язык и даже не суррогат языка, могущий так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство» (Сталин 1997: 132). Несмотря на то, что на бытовом уровне Советский Союз был одним из мировых лидеров по созданию условий для глухих*, любые субкультурные и лингвистические особенности данной группы были полностью исключены из научного обсуждения. Почти все социальные исследования глухих во времена СССР носят (сурдо)педагогический характер (Паленный 2011: 665), а глухие в них рассматриваются как группа людей с инвалидностью, из которых необходимо сделать правильных советских граждан, для чего, в первую очередь, их нужно «научить говорить» (См., напр.: Микаэльян 1953; Рау 1956; Дьячков 1961; Боскис 1963; Боскис, Соловьев 1971). Медицинская концепция оставалась доминирующей вплоть до начала 1990-х гг., хотя некоторые исследователи помещали в фокус своего внимания взаимодействие людей с инвалидностью по слуху и общества в правовом (Дмитриев 1958) или профессиональном контекстах (Особенности профессионального... 1975; Профессиональное обучение ... 1975). Работы данных авторов можно назвать первыми свидетельствами постепенного смещения фокуса внимания с лечения и «исправления» глухих на создание и поддержание условий их достойной жизни в обществе.

С распадом СССР появляются первые работы, полностью выполненные в рамках социальной концепции (см., напр.: Карпова 2010; Наберушкина 1998; Романов и др. 2009; Собкин 1997; Ткаченко 2010 и др.). Авторы апеллируют к глухоте как к инвалидности, понимаемой в социальных терминах, поэтому в рамках данного дискурса повышенное внимание уделяется отношениям общества и человека с нарушением слуха.

Одновременно с этим в России стали появляться первые индикаторы постепенного перехода к культурному дискурсу. В 1996 г. открывается Центр образования глухих и жестового языка, проходят Международная конференция по проблемам билингвистического образования и Первый московский

* С 1930-х гг. выпускаются специализированные издания, проводятся смотры и конкурсы самодеятельности, организуются специализированные клубы и объединения, в 1962 г. создается Театр мимики и жеста, в 1960-70-е гг. открываются специализированные дома отдыха и проводятся фестивали.

симпозиум по истории глухих, с 1998 г. курс по истории и культуре глухих начинает включаться в учебные планы* (Паленный 2011: 655): уже в конце 2010-х гг. выходит трехтомник «История ВОГ», который можно считать ключевым свидетельством того, что дисциплину «история глухих» в России можно считать сформированной. Основными агентами изменений являются исследователи жестового языка, культуры и истории глухих Г. Зайцева, А. Комарова, В. Паленный, В. Базоев и др., посвятившие свои работы анализу зарубежных исследований в области социокультурного анализа сообщества глухих. В некоторых из них авторы апеллируют к советскому и российскому опыту и рассматривают отечественную историю становления сообщества.

Заключение

Кардинальный пересмотр взглядов общества на глухоту в течение XX в. во многом был связан с изменением научного дискурса вокруг людей с нарушениями слуха, что, как правило, стало результатом активации борьбы людей с инвалидностью за свои права и за собственную идентичность. К началу XXI в. в социальных науках сформировалось несколько подходов к пониманию глухоты. Все их можно объединить в три параллельно существующих модели объяснения, которые продуцируются социально-политическим контекстом и по-разному осмысляют глухоту. Основные различия между медицинской, социальной и культурной концепциями глухоты представлены в табл. 1.

В рамках медицинской концепции инвалидность рассматривается как болезнь или патология, а сами глухие — как отклоняющиеся или девианты, обязательно подлежащие лечению или даже изоляции. Основными агентами, продуцирующими данный дискурс, в конце XIX — начале XX вв. становятся слышащие медики и дефектологи (Базоев, Паленный 2002: 259–260), которые стремятся дать глухим возможность слышать и говорить так же, как все. Медицинский подход критикуют за то, что он фокусируется на «исправлении» нарушений и соответственно предполагает, что люди с нарушениями не могут вести полноценный образ жизни (Harpur 2012: 2–3).

Вторая группа теорий рассматривает глухоту не столько как дефект или заболевание, но скорее как некий ярлык — «знание об инвалидности», но при этом все еще маркирует глухих и слабослышащих как инвалидов. Важную роль в появлении данного дискурса играл социально-политический контекст: борьба за права меньшинств, зарождение гражданского общества привели к тому, что глухие перестают восприниматься как люди, которых нужно насильно исправлять и приводить к норме. Появляются исследования, посвященные трудностям интеграции, трудоустройству, обучению людей с нарушениями слуха, предпринимаются первые попытки осмысления жизни глухих и слабослышащих в социальных терминах, дискурс смещается в сторону устранения дискриминации и осмысления возможностей обеспечения достойной и равной жизни для всех людей с инвалидностью.

* Сначала Центра образования № 1406, позднее Московского городского педагогического университета, Московского педагогического колледжа № 4 и т. д.

Сравнение трех концепций понимания глухоты

Концепция	Медицинская	Социальная	Культурная
Время возникновения	Середина XIX в.	1970-е гг.	1960-е гг.
Происхождение	Создана медиками и педагогами, изначально была легитимирована религиозными институтами	Создана активистами движения за права людей с инвалидностью	Связана с признанием жестового языка и осознанием глухими собственной культурной самостоятельности
Определение глухоты	Глухота — проблема, негативные последствия которой надо преодолеть, она не позволяет стать глухому таким же, как большинство. Важно научить глухих говорить и дать им слух.	Глухота — барьер, который нужно рассматривать с учетом взаимосвязи между отдельным человеком и его окружением. Необходимо обеспечить достойное существование людей с нарушениями слуха, для чего важно понять и принять их особенности.	Глухота — особенность, которая отличает людей с нарушениями слуха от остальных. Глухота как условие для развития культуры глухих и жестового языка.
Отношение к инвалидности	Глухота = инвалидность	Глухота — инвалидность, которая понимается как результат социального, экономического и политического притеснения внутри общества	Глухота НЕ инвалидность
Доминирующие дисциплины	Медицина, дефектология, сурдопедагогика	Дефектология, сурдопедагогика, политология, юриспруденция, социология, психология	Deaf studies, история глухих, лингвистика, культурология, социология
Изучение глухих	Изучение глухих ведут медики и педагоги с целью понять, как развить слух и речь глухих, как организовать процесс их обучения	Цель исследований — понять, как обеспечить достойную жизнь глухих, определить, как проходит их социализация и адаптация в процессе обучения, работы, досуга, выявить потребности	Ведется изучение лингвистики жестового языка, истории глухих, функционирования сообщества и его культурных особенностей

Концепция	Медицинская	Социальная	Культурная
Роль культуры и жестового языка	Категорическое неприятие культуры глухих и игнорирование жестового языка, который воспринимается как «ручная форма языка устной речи» без определенного лингвистического статуса (Паленный 2001: 43)	Признаются, но продолжают игнорироваться культурные и лингвистические особенности глухих	Культура глухих и жестовый язык воспринимаются как основные критерии самобытности группы, помещаются в центр изучения
Обучение	В процессе обучения глухой должен адаптироваться к жизни в обществе. Практикуется специальное обучение, основное внимание уделяется развитию речи и слухового восприятия.	Обучение служит, в том числе, цели интеграции глухих в общество, развивается инклюзивное образование и принцип обеспечения максимально широкого доступа к образовательной сети.	В процессе обучения внимание концентрируется на содержании предмета. Происходит понимание того, что материал важно донести до ребенка любыми способами, в том числе, на жестовом языке. В школьные программы вводятся курсы по истории глухих.
Индивид или группа	Индивид, человек должен приспособиться к обществу	Группа, люди с нарушениями слуха рассматриваются как притесняемая группа	Сообщество, глухие — лингвистическое и культурное меньшинство, для которого ключевое значение приобретают ценности общины и солидарности

Во второй половине XX в. данные концепции глухоты перестают соответствовать политической и социальной ситуации на западе. Г. Лэйн (Lane 1992: 24) отмечает два основных недостатка указанных подходов: во-первых, все они характеризуют отличие через стигматизацию, т. е. в рамках обоих подходов речь идет о неспособности глухих полноценно овладеть устной речью, и при этом умалчивается любое упоминание жестового языка. Во-вторых, медицинский и социальный подходы игнорируют культурную самобытность глухих, а также особую роль сообщества в жизни человека с нарушениями слуха.

Указанные трудности способствовали тому, что на волне признания жестого языка люди с нарушениями слуха самостоятельно начинают заниматься изучением сообщества. Третий этап в развитии подходов к пониманию глухоты, выделенный нами в данной работе, связан с поиском возможностей культурной легитимации глухоты. Глухие в работах исследователей постепенно перестают рассматриваться в контексте инвалидности, а осознаются как группа с особыми культурными характеристиками.

Результатом постоянного развития дисциплин, занимающихся изучением глухих, становится ситуация столкновения различных научных дискурсов в рамках одного поля. Например, инклюзивное образование, легитимированное в рамках социальной концепции глухоты, наталкивается на непонимание со стороны представителей культурной концепции. Отсутствует согласованное мнение в научном сообществе и по поводу возможностей аппаратной коррекции слуха. Кохлеарные имплантаты, появившиеся в результате развития современной медицины и технологий и позволяющие компенсировать потерю слуха (позитивная функция в рамках медицинской концепции глухоты), воспринимаются крайне негативно в рамках социальной и культурной концепций. Представители Deaf studies выступают категорически против имплантатов и рассматривают их скорее как угрозу сохранению культурной идентичности и жестового языка. В данном контексте динамика развития подходов требует отдельного рассмотрения, однако очевидно, что запрос на социальную инклюзию, развитие медицинских технологий и одновременное усиление позиций исследователей, рассматривающих глухоту в культурных терминах, приведет к росту числа возможных противоречий и разногласий в понимании глухоты.

Литература и источники

Базоев В., Паленный В. *Человек из мира тишины*. М.: Академкнига, 2002.

Боскис Р.М. *Глухие и слабослышащие дети*. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963.

Боскис Р.М., Соловьев И.М. *Психология глухих детей*. М.: Педагогика, 1971.

Внесены изменения в закон о социальной защите инвалидов. Портал Президента России. [<http://www.kremlin.ru/events/president/news/17244>]. Дата доступа 4.03.2016.

Дмитриев В.Г. *Глухие и глухонемые в Советском Союзе*. М.: Сов. Россия, 1958.

Дьячков А.И. *Системы обучения глухих детей*. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961.

Зайцева Л.Г. Современные научные подходы к образованию детей с недостатками слуха: основная идея и перспективы, *Дефектология*, 1992, 4: 52–70.

Иванова Е.А., Самсонова Е.Г., Леонгард Э.И. *Я не хочу молчать. Из опыта работы*. М.: Просвещение, 1990.

Карпова Г. Инвалиды и культурная политика: проблемы доступности, *Социологические исследования*, 2010, 10: 74–80.

Комарова А. О культуре глухих на английском языке, *В едином строю*, 2010, 11: 14–15, 17.

Лебедев А., Кравченко Н. *Стратегия независимой жизни: Программа социальной терапии: содействие личностному росту взрослых инвалидов и родителей детей с ограниченными возможностями*. Орел: Труд, 2002.

- Микаэльян К.А. *Обучение и воспитание тугоухих и позднооглохших детей (Из опыта работы 337-й школы г. Москвы)*. М.: Учпедгиз, 1953.
- Наберушкина Э. *Стратификационный анализ инвалидности: дисс. ... канд. соц. наук*. 22.00.04. Саратов, 1998.
- Особенности профессионального обучения глухих*, ред. Гозова А.П. Л., 1975.
- Паленный В. В поисках своего Я, *За жестовый язык!*, ред. Комарова А., Паленный В. М.: ООИ ВОГ, 2014: 292–300.
- Паленный В. История глухих: настоящее и будущее, *История Всероссийского общества глухих*. Т. 3. Сост.: Паленный В. М.: ООИ ВОГ, 2011: 645–670.
- Паленный В. *Особенности культурологической подготовки старшеклассников школ для лиц с нарушением слуха: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.03*. М., 2001.
- Платон. *Диалоги*. М.: Эксмо, 2015.
- Прозорова Е. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования, *Вопросы языкознания*, 2007, 1: 44–61.
- Профессиональное обучение глухих*, ред. Гозова А.П. М.: Педагогика, 1975.
- Рау Ф.А. *О детях, потерявших слух*. М.: Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1956.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е., Вайтфилд С., Келли С. *Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации: анализ основных результатов исследования*. М.: Папирус, 2009.
- Собкин В.С. *Подросток с дефектом слуха: ценностные ориентации, жизненные планы, социальные связи: эмпирическое исследование*. М.: Российская академия образования, Центр социологии образования, 1997.
- Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 16. М.: Издательство «Писатель», 1997.
- Тарасенко Е.А. Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России, *Журнал исследований социальной политики*, 2004, 2(1): 7–28.
- Ткаченко В.С. *Медико-социальные основы независимой жизни инвалидов: учеб. пособие*. М.: Дашков, 2010.
- Чупина К. Билингвизм — опасность или роскошь общения?, *За жестовый язык!*, ред. Комарова А., Паленный В. М.: ООИ ВОГ, 2014: 162–169.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Мужчины и женщины в стране глухих, *Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований*. М., 2001: 221–236.
- Ярская-Смирнова Е., Наберушкина Э. *Социальная работа с инвалидами*. СПб.: Питер, 2004.
- Barnes C. *Disabled people in Britain and discrimination*. London: Hurst and Co, 1991.
- Bauman H.-D.L. *Open Your Eyes: Deaf Studies Talking*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
- Branson J., Miller D. *Damned for Their Difference: The Cultural Construction of Deaf People as “disabled”: a Sociological History*. Washington: Gallaudet University Press, 2002.
- Devlieger P., Rusch F., Pfeiffer D. *Rethinking Disability: The Emergence of New Definitions, Concepts, and Communities*. Antwerp: Garant, 2003.
- Feenstra N.H. *Hear the Deaf: Embedding Accessibility in Museums’ Collection Presentation*. Leiden: Leiden University, 2015.
- Finkelstein V. To deny or not to deny disability, *Physiotherapy*, 1988, 74(12): 650–652.
- Fishman J. A critique of six papers on the socialization of the deaf child, *Conference highlights: National Research Conference on the Social Aspects of Deafness*. Washington: Gallaudet University Press, 1982: 6–20.

Gertz G., Boudreault P. *The SAGE Deaf Studies Encyclopedia*. Singapore: SAGE Publications, 2016.

Harpur P. Embracing the new disability rights paradigm: the importance of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, *Disability and Society*, 2012, 27(1): 1–14.

Harris J. *The cultural meaning of deafness: Language, identity and power relations*. Aldershot: Avebury, 1995.

Higgins P.C. *Outsiders in a Hearing World: A Sociology of Deafness*. Beverly Hills: SAGE Publications, 1981.

Jankowski K.A. *Deaf Empowerment: Emergence, Struggle, and Rhetoric*. Washington: Gallaudet University Press, 1997.

Ladd P. *Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood*. Clevedon: Multilingual Matters, 2003.

Lane H.L. Construction of Deafness, in: *The Disability Studies Reader*. New York: Routledge, 2006: 79–103.

Lane H.L. *When the Mind Hears: A History of the Deaf*. NY: Vintage Books, 1989.

Lane H.L. *The Mask of Benevolence: Disabling the Deaf Community*. NY: Knopf, 1992.

Longmore P.K. The second phase: From disability rights to disability culture, *Disability Rag & Resource*, 1995, 16(5): 4–11.

Meadow K. Sociolinguistics, sign language and the Deaf subculture, *Psycholinguistics and Total Communication — The State of the Art (American Annals of the Deaf)*. Silver Spring: National Association of the Deaf, 1972: 19–33.

Mirzoeff N. *Silent Poetry: Deafness, Sign, and Visual Culture in Modern France*. Princeton. N.J.: Princeton University Press, 1995.

Oliver M. *The Politics of Disablement: A Sociological Approach*. Palgrave Macmillan, 1990.

Padden C.A., Humphries T.L. *Deaf in America: Voices from a Culture*. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

Ratliffe C., Haley J. Toward a non-dualistic disability paradigm: Beyond connectedness, *Disability Studies Quarterly*, 2002, 22(2).

Reagan T. Cultural Considerations in the Education of the Deaf Children, *Educational and Developmental Aspects of Deafness*. Washington: Gallaudet University Press, 1990: 73–84.

Schlesinger H., Meadow K. *Sound and Sign*. Berkley: University of California Press, 1971.

Stokoe W.C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf, *Journal of deaf studies and deaf education*, 2005, 10(1): 3–37.

Stokoe W.C., Casterline D.C., Croneberg G.C. *A dictionary of American sign languages on linguistic principles*. Washington. D.C.: Gallaudet College Press, 1965.

Turner G.H. How is Deaf culture?: Another Perspective on a Fundamental Concept, *Sign Language Studies*, 1994, 83: 103–126.

Woodward J. Implications for sociolinguistic research among the deaf, *Sign Language Studies*, 1972, 1: 1–7.